

ЭТНОДИАЛЕКТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГОВОРОВ ВЕРХНЕГО ПОУНЖЬЯ: ЛЕКСИКА ЛЕСНОГО СПЛАВА

Окуловская Светлана Владимировна, кандидат филологических наук, Военная академия радиационной, химической и биологической защиты им. Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко, Кострома, Россия, Okulovskaja_Svetlana@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматривается лексика лесосплава как этнодиалектный маркер костромских поунженских говоров. Сплавной промысел имел в этих местах особое значение: он был тесно связан с жизнью крестьян и представлял практически единственный возможный источник их заработка. Это создаёт особые связи между быденной лексикой говора и терминосистемой лесосплава. С одной стороны, повседневные слова зачастую приобретают специфические семы, пополняя ядро или периферию лексико-семантического поля «лесосплав», с другой стороны, терминологическая лексика прочно входит в повседневный обиход и приобретает неспециализированные значения. Многочисленные номинации агентивной и предметной лексики лесного сплава говоров Верхнего Поунжья представлены в рассказах костромского писателя И. Касаткина. Близость к документальному изложению событий и языка местных жителей позволяет интерпретировать их как этнографические очерки. Контексты произведений помогают многосторонне раскрыть наблюдаемые в условиях микрорегиона значения конкретных языковых единиц, объединённых тематикой лесосплава, выявить их этносемы. Хотя данная лексика и не имеет значительных отличий от терминосистемы других русских территорий, обнаруживая дальние лингвогеографические связи, в том числе и с белорусскими диалектами, она обладает своеобразными чертами, связанными с особенностями историко-культурного развития региона и типа хозяйствования.

Ключевые слова: сплавной промысел, лексика лесосплава, поунженские говоры, этнодиалектный маркер, барка, бурлак, тамойки.

Для цитирования: Окуловская С.В. Этнодиалектные особенности говоров Верхнего Поунжья: лексика лесного сплава // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 2. С. 217–223. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-217-223>

Research Article

THE UPPER UNZHA PATOIS ETHNO-DIALECT FEATURES: TIMBER RAFTING LEXIS

Svetlana V. Okulovskaya, Candidate of Philological Sciences, Military Academy of Radiation, Chemical and Biological Protection. Marshal of the Soviet Union S.K. Tymoshenko, Kostroma, Russia, Okulovskaja_Svetlana@rambler.ru

Abstract. Timber floating lexis as an ethnographic dialectal marker of Kostroma patois in the area of the Unzha River is considered in the article. Timber floating industry once had a special importance in these places – it was closely connected with the life of peasants and represented practically the only possible source of their livelihood. This creates a special relationship between the customary lexis of the patois and the timber floating terminology system. On the one hand, everyday words often acquire specific semes, contributing to the core or periphery of the lexico-semantic field of «timber floating»; on the other hand, terminological lexis is firmly embedded in everyday life and acquires non-specialised meanings. Numerous nominations of the agentive and object lexis of the forestry rafting patois of the upper Unzha River are represented in the short stories of Kostroma writer Ivan Kasatkin. Their closeness to the documentary narrative and to the language of the locals allows them to be interpreted as ethnographic feature articles. The contexts of the works help to reveal the meanings of specific linguistic units observable in the conditions of the microregion and united by the theme of logging; they help to reveal their ethnographic semes. Although this lexicon does not differ significantly from the terminological system of other Russian territories, revealing distant linguo-geographical connections even with the Belarusian dialects as well, it has peculiar features connected with the peculiarities of the historical and cultural development of the region and the type of economy.

Keywords: rafting (floatage), timber rafting vocabulary, Unzha patois, ethno-dialect marker, барка (wooden barge), бурлак (barge hauler), тамойки (nickname of Kostroma Province dwellers).

Сплавной промысел на реках России имеет богатую историю, он существовал здесь несколько веков и окончился сравнительно недавно, к концу XX века. Лексика, обслуживающая данную сферу жизнедеятельности населения, представляет значительный интерес как важный фрагмент жизни и культуры общества на одном из этапов его исторического развития, раскрывает отраженные в языке особенности быта и труда населения, жившего в притоках крупных рек. Фиксация и исследование лексики сплава решает важную задачу сохранения и демонстрации потомкам всей полноты лексического богатства национального языка, в данном случае – уникальной истории древнейших речных промыслов с развитой терминологией, отечественного или иноязычного происхождения, прекративших своё существование.

В данной статье изложим наблюдения над особенностями лексики отдельно взятого региона, жизнь населения которого долгое время была тесно связана со сплавным промыслом. Объектом нашего исследования является лексика лесосплава поунженских костромских говоров.

Выбор данной территории продиктован несколькими причинами. Во-первых, существовавший здесь долгое время сплавной промысел был практически единственным возможным источником заработка для большинства деревенских жителей, а следовательно, и неотъемлемой частью их жизни, во-вторых, верхнее течение реки Унжи в различных источниках представляется рубежом, по которому проходят важные культурные и этнодиалектные различия (см., например: [Образование: 303–313; Очерки: 435–437] и др.). Спецификой левобережных заунженских говоров является большее тяготение в сторону периферийных, близких к вологодским. Они во многом сохраняют древнее состояние языковой системы. Здесь обнаруживаются такие архаические особенности, свойственные говорам Русского Севера, как: цоканье, ъ-неслоговое, встречаются формы *мати* и *доци* и др. А.В. Громов отмечал также уникальное языковое явление, подобное мазурению (замена шипящих свистящими), в селе Георгиевское. Предполагается, что эта особенность была внесена какой-то особой этнографической группой [Громов]. Мы же склоняемся к тому, что она имеет субстратное происхождение.

Материалом для исследования послужили рассказы И. Касаткина, которые близко к документальному изложению событий повествуют о жизни населения глухих костромских деревень в верховьях Унжи. Многопланово представлены здесь и языко-

вые особенности родины автора – беднейшего региона Костромской области, «заброшенного в дебри костромских лесов», где «вся округа занята лесными работами, постройкой барок и сгоном этих барок и плотов весною в низа, на Волгу» [Касаткин: 25].

Постройка и спуск на воду барок были настоящим праздником для всех жителей поунженских деревень. Вот как описывает это событие этнограф А. Хробостов: «Барку строили на клетках, боком к реке, конопатили, смолили. Когда вода в половодье поднималась, из-под барки выбивали подпору, и она боком съезжала в реку <...> Пенистый вал шёл на противоположный берег. А на этом – ликование! Лесопромышленник кланялся народу: «Спасибо барошникам! Спасибо, пришедшим! Всё хорошо получилось!» Подрядчик выставлял привезённое угощение народу. Начиналось гулянье...» [Хробостов: 39].

Подробную картину спуска барок практически слово в слово передаёт в рассказе «На барках» И. Касаткин, раскрывая при этом многие детали барочного промысла, его терминологию, а также прозвища, которыми обменивались жители различных деревень в процессе совместной работы на сплаве: «Уже скликали на “помочь”. Спускать на воды барки потянулся народ отовсюду. Двинулась рваная гольгьба с Колоколихи; гуртами идут из деревень мужики, бабы, девки. Все вооружены длинными кольями, чтобы в момент, когда под баркой подрубают последнюю стойку, дружно подпереть этими кольями в борт и дать сорокосаженной громаде направление <...> Последняя барка, с громом и треском изгибаясь по дымящимся от трения смоленным брёвнам, с размаху грузно осела на воду. Пенистый вал, взбороздив реку, дотатился до того берега <...> Сотни глоток встречают её разноголосым рёвом, в воздух летят шапки <...> Миней Колокольников снимает старинного покроя картуз и, подняв его выше головы, кланяется народу в ту и другую сторону, зычно крича: «Спасибо, мир честной!.. Всё ладно сошло! Уж вот как хорошо!.. Спасибо!» <...> Тем временем хозяйские молодцы вытаскивают из двух телег угощение народу <...> Наступают сумерки. Вдоль берега зажигаются огромные костры, и угрюмые прибрежные леса до полуночи гудят песнями и пьяным гамом <...> К концу попойки как-то само собою выходит, что люди разделяются на две стороны – «голодранцев» и «лапотников» [Касаткин: 27].

Близость к реальному отображению событий и языка позволяет классифицировать рассказы И. Касаткина как этнографические очерки, где значения представленных слов-терминов не объясняются, но весьма легко выявляются из выразительных контекстов.

И. Касаткин, сам работавший некоторое время в артели бурлаков и не понаслышке знакомый с языком сплавщиков, передаёт в рассказе неподдельно звучащую живую народную речь в естественных ситуациях общения на достоверном культурно-историческом фоне. Она изобилует многочисленными номинациями агентивной и предметной лексики сплава: *С богом... выхаживай якорь!* [Касаткин: 29]; *Носовые – на гребь, кормовые – страви лота!* <...> *На носу со скрипом заработала влево гребь; на корме глухо зафыркал по кнехту канат спускаемого лота* [Касаткин: 39]; *Барка, на которой мы теперь плыли до большого приволжского города, называлась «передовой»* <...> *Там, позади, иногда шум, гам: рбсперло какую-нибудь барку поперёк реки, треск идёт – подходи, задние, на подмогу!* [Касаткин: 30] На страницах рассказов представлена лексика, называющая основные виды работ при сплаве и подготовке к нему (*Зимой городок замирает. Большая часть жителей уходит в леса – делать к весне выработки: валить деревья, пилить дрова, тесать клепку*) [Касаткин: 24]; *Все зимние работы: рубка леса, вывоз, распиловка, тесание клёпки и, наконец, предстоящая погрузка дров, сгон барок и плотов, – всё это разрисовывает в хмельных мозгах яркую картину вырывания друг у друга куса хлеба* [Касаткин: 28]), людей по роду деятельности (*бурлак, лоцман, тильщик, торфорез, сгонщик, плотовик, караванный приказчик, грузчик, баба-погрузчица и др.*), сплавные суда и их части, снасти и приспособления (*барка, беляна, плот, колесо, корма, нос, лот, шейма, шалман, гребь, ворот, льяла, лодка-завозня, причал и др.*), лексика, обозначающая различные действия при сплаве, а также устойчивые сочетания, используемые для подачи команд при управлении судном (*отваливать, учалить, зачалиться, гонять в низа, выхаживать якорь, подобрать вожжесевую и др.*).

Стоит отметить, что «река Унжа по объёму сплаваемого в плотях и молевым сплавом леса занимала первое место среди притоков Волги» [Ойкумена: 143]. Известно, что имена собственные являются одним из продуктивных источников терминологизации: «с их помощью достигается конкретизация и уточнение более общих понятий и положений» [Суперанская: 114]. Оним Унжа также сыграл свою роль в становлении официальной русской терминологии лесосплава. Он стал частью устойчивого сочетания, обозначающего сплавную конструкцию – *унженские кошмы*. («Относительно простой по конструкции ПСЕ в то время считалась кошма. Лесоматериалы в ней укладывались параллельно друг другу рядами. Кошмы изготавливали без прокладок между рядами (унженские) и с прокладками из бревен (костромские)» [Посыпанов: 25]). Неоспоримо замечание О.В. Косоноговой, утверждающей,

что «уникальные онимические термины обладают национально-культурной спецификой и отражают исторические и культурные особенности формирования и развития терминологий тех областей знания, которые они обслуживают [Косоногова: 19]. Однако любопытно, что данное словосочетание оказалось настолько актуальным, что распространилось далеко за пределы не только Костромской области, но и за границы Российской Федерации. Не так давно коллективом авторов отдела диалектологии и лингвогеографии института языкознания НАН Беларуси В.Н. Курцовой, Л.П. Кунцевич, Т.М. Трухан бал создан словарь профессиональной лексики плотогонов Белоруссии [Плытніцтва]. Это тематический отраслевой словарь полного типа, включающий в себя лексику разных тематических групп сплавного промысла, систематизированной из источников XIX–XX вв. в пространстве разных лингвогеографических зон Беларуси. Благодаря этому труду появилась возможность проследить исторические, промышленные, культурные и лингвистические связи в одном из фрагментов белорусского и русского языков в их территориальных вариантах, установить ареальные связи рассматриваемой лексики в пределах Славии.

Интересным фактом является наличие в словнике «Плытніцтва» термина *унжанскія кошмы*, который представлен при словарной статье *кошмы*. Приведём цитату: «Летняя сплотка – у подтопныя грабёнкі, зімняя – ў унжэнскія кошмы: шырыня – 24 м, осадка – 100–120 см» [Плытніцтва: 167]. Лексема *кошмы* в белорусском источнике представлена в разделе «Обозначения способов вязания лесоматериалов и размещения брёвен при вязании плотов». Здесь приведена цитата (без толкования термина): «Дрова сплываюцца ў кошмы» [Плытніцтва: 167]. Данное слово представляет интерес как заимствование тюркского происхождения (из: «чагат. кошмак – «связывать» [Фасмер: 2: 361]), имеющее обширное распространение на территории Славии. В материалах И. Касаткина оно обозначает совокупность связанных между собой брёвен в плоту. Приведём цитату: «на реке плывут разрозненные, перерубленные в связях кошмы плотов, отдельные бревна» [Касаткин: 24]. В трудах КНОИМК поясняется, что данный вид сплотки брёвен в костромском крае был также предназначен для дровяного сплава: «Дрова сплавляются долготьём (обычно в кошмах)» [Матренинский: 301].

Стоит отметить и другие заимствования, достаточно прочно прижившиеся в народной терминологии и имеющие обширные ареалы распространения. В описываемых И. Касаткиным местах сплав леса осуществлялся преимущественно *барками*. В.И. Переход отмечает, что в силу особых экономических условий и естественно-исторических причин хозяйство

на данной территории было рассчитано «главным образом на получение барочного леса <...> что отличало его от хозяйства в других дачах, имевших другие задания <...> конструкция лесного хозяйства имеет вследствие этого особые черты, которые мы не находим в других дачах» [Переход: 30–31]. Всесторонне описана данная лексема в статье Б.Л. Богородского «О речном судовом термине *барка*» [Богородский: 355–357]. Наиболее вероятным непосредственным источником заимствования слова *барка* в русский язык исследователь называет итальянское *barca* [Богородский: 356]. Лексема быстро получила повсеместное распространение и вышла за пределы профессионального употребления. Часто оно встречается в художественной прозе. В рассматриваемом нами источнике, описывающем унженские барки, данное судно представлено следующим образом: *Последняя барка, с громом и треском изгибаясь по дымящимся от трения смоленым бревнам, с размаху грузно осела на воду* [Касаткин: 27]; *Мы налегли на два бруса, накрест продетые в деревянный ворот, надёжно вделанный в середину барки. Будто нехотя, ворот гулко закричал, барка дрогнула* [Касаткин: 29]. В материалах Словаря «Плытніцтва» указывается на существование двух видов барок: те, что сплавлялись единожды и потом разбирались (такими пользовались в бассейне р. Днепр), и те, что использовались для нескольких навигаций (на р. Припять) [Плытніцтва: 262]. Используемые в Поунжье барки, представлявшие собой нечто «более похожее на понтон» [ТСАГ: 31], были сопоставимы с первым из представленных в белорусском словаре способов сплава: в конце пути «судно продавалось, разбиралось на дрова и домой барочки возвращались пешком» [ТСАГ: 31]. До Октябрьской революции барка (беспалубное сплавное судно «самой грубой постройки») была одним из самых распространенных судов в России [Богородский: 357]. Но, несмотря на вытеснение и замену барок более совершенными судами, термин *барка* остается «живым» как в литературном языке, так и в народных говорах. В Словаре «Плытніцтва» указывается, что в современных белорусских говорах слово *барка* продолжает функционировать в значениях «небольшая лодка», «баржа». Не исчезло оно из употребления и в говорах Костромской области, и в значении «лодка» существует в Кологривском, Солигаличском и Островском районах: *Катер мы ждаты не стали, а поехали на барке; Вчера мы по реке на барке катались; Я на барке по Волге катался за рыбой* [ККОС].

Рассказы И.М. Касаткина дают информацию о том, что барки шли по реке одна за другой единым строем, принадлежавшим одному купцу-лесопромышленнику. Такая «флотилия» называлась **караваном**: *Хорошо плыть впереди всего каравана Миней Колокольникова; Колокольниковские барки без конца подходили*

и вставали в ряд с нами. Наконец приехал на караван и сам Миней Колокольников («На барках») [Касаткин: 45]. Словарь В. Даля приводит в словарной статье на рассматриваемую лексему словосочетание *водной караван* с интерпретацией «сборище речных барок, идущих вместе» [Даль 2: 78]. Слово персидского происхождения *караван*, заимствованное, вероятно, посредством французского [Фасмер 2: 190], используется и в белорусских говорах для обозначения 9 и более плотов, связанных между собой и предназначенных для далёкого сплава [Плытніцтва: 48].

Руководил работой барочников во время сплава находящийся на «передовой» барке *лоцман*: *«Лоцман Мухин, детина саженого роста <...> осмотрел все закрепы и снасти. Встал на корме <...> – С богом... выхаживай якорь!* [Касаткин: 29]. Так же именуется главный, старший плотовик в материалах «Плытніцтва»: *Вунь лоцман паехау на чайцы, плытэ будучь ісці* [Плытніцтва: 124].

Несомненно, большее число лексико-семантических соответствий прослеживается благодаря наличию в лексике сплава обоих языков слов/корневых морфем, сформировавшихся в глубокой древности и восходящих к праславянскому лексическому фонду. Сохранившиеся в большинстве славянских языков, они приобрели специализацию и стали стержневой основой терминосистемы, поскольку обозначают наиболее общие и вместе с тем наиболее древние, исконные понятия ремесла или промысла. Это такие слова, как *лодка, плот, лямка, колесо, нос, лес, ворот, дерева* и др.

Общеславянская лексика, обслуживающая данный фрагмент словаря, объединяет и связывает воедино близкородственные языки. Соответствия обнаруживаются в обозначениях различных процессов сплава, представленных глагольной лексикой с общеславянскими корнями. Так, например, глагол *ганяць* – «отправлять лесоматериалы по реке» [Плытніцтва: 136], *атвалиць* – «отплыть, отчалить от берега» [Плытніцтва: 151] в словаре «Плытніцтва» и словосочетание *гонять в низа (Барки, например, строить, беляны, в низа их гонять...)* [Касаткин: 100] и *отваливать (Утром мы отваливали от места дровяной погрузки)* [Касаткин: 38]) в материалах И. Касаткина.

Сходными оказываются в диалектах двух языков и словообразовательные процессы на базе общих слов, с помощью которых происходит пополнение языка сплавщиков. Частотным способом образования новых слов-терминов являются отглагольные субстантивы. Производящими в данном случае выступают общеславянские глаголы. Таковы, например, производные отглагольные существительные, имеющие в двух языках сходное семантическое наполнение: *сплав* – *Тогда по берегам реки строятся сотни барок, заготавливаются к сплаву лес и дро-*

ва [Касаткин: 26] и *сплаў* – «способ транспортировки леса» [Плытніцтва: 170]; *грэбь* – *На носу со скрипом заработала влево грэбь* [Касаткин: 39] и *грэбки* [Плытніцтва: 93] – «рулевое весло»; *завозня* – *Мухин даже под корму заглянул, потрогал за причал тяжелую лодку-завозню и ушел, взбешенный и огорченный, в избушку* [Касаткин: 32] и *завазня* – «лодка при судне для заправки якоря» [Плытніцтва: 248], *сгонщик* – *Плывут мимо плоты. Сгонщики стоят там в ряд и глазеют на пароход* [Касаткин: 63] и *гончык* – «рабочий на сплавных судах» [Плытніцтва: 97, 118]. Естественно, что семантические процессы протекают не всегда совершенно одинаково в языках, и среди подобных лексических соответствий обнаруживаются как полные семантические дублиеты, так и соответствия с разным смысловым объемом и даже полностью отличные по значению омонимы и паронимы. Это, например, слова *чалка* – «верёвка-снасть» (*Вот оттуда взвилась чалка. Упала мимо, не достав лодки. Уползла на берег и снова взвилась* [Касаткин: 52] и *чалка* – «плот» [Плытніцтва: 61]; *причал* – «приспособление в виде кольца на лодке, к которому привязывают судно при остановке» (*Мухин даже под корму заглянул, потрогал за причал тяжелую лодку-завозню* [Касаткин: 32] и *прычал* – «веревка для привязывания судов во время стоянки» [Плытніцтва: 104].

Такое сопоставление даёт возможность увидеть общность многих лексических единиц (их значения и формы выражения), существование лексических и морфологических изоглосс рассматриваемой лексики на территории Славии, в которых свои устойчивые позиции продолжает занимать праславянская лексика.

Однако многие лексические единицы, связанные с лесосплавом и, казалось бы, общие для всего языкового пространства Славии, становятся этнодиалектными маркёрами в верхнеунженских говорах. В их содержании присутствуют семы, конкретизирующие общие понятия, представленные в академических словарях, связанные с особенностями хозяйствования и жизни.

Особый тип хозяйственного уклада в описываемых И. Касаткиным местах создаёт условия для активного использования лексики сплавного промысла. Она является здесь важнейшим тематическим ядром, к которому так или иначе начинают тяготеть многие слова, порой абсолютно не связанные семантически с данной темой в языковом пространстве других регионов. Так, например, в одном из своих рассказов И. Касаткин приводит лексику, характерную для горячей весенней поры постройки и спуска на воду барок: «В воздухе так и виснет: рубль, харч, задаток, путина...» [Касаткин: 27] Специфическое языковое пространство приводит к появлению необычных ассоциативных рядов, приращению особых семантических множителей, созданию условий для особых

синтагматических и парадигматических лексических связей и отношений. Слово *харчи* и его производное *харчик* используются в тексте по отношению к съестным припасам, заготовленным для рабочих и употребляемым ими в пищу во время сплава: *На другой день, при восходе солнца, мы закупили в этом городе харч* [Касаткин: 43]; *Моловато, нынче выходит, молодцы, моловато, – загудел наконец Колокольников. – На харчиках много съели, задатки да то да сё... глядишь, и вышло – ничего* [Касаткин: 46]; *А ежели харч, солонину – так что ни есть тухлее! – вставил Оська Слон, завёртывая сигарку и глядя вдруг исподлобья. – Что собакам, то и нам* [Касаткин: 40]. Слово *сплав* приобрело здесь помимо основного («перемещение лесоматериалов вплавь по течению реки») вторичное значение – «денежное вознаграждение за работу на сплаве» и стало состоять в отношениях синонимии со словом *задаток*: *Народ подобрался сорвиголовый, из городишка, чуть ли не весь сплав ещё с зимы у хозяина забрали; не догляди – сбегут...»* [Касаткин: 31]. Специфическое значение приобретает в этих местах слово *зимница* – особая лесная избушка для лесорубов и возчиков, которые всю зиму жили здесь, непосредственно на месте работ, и вели подготовку к весеннему сплаву: *...в то время, когда из лесной гущи, из топких болотин к ночи повылезают коренастые бородачи, пильщики да торфорезы, и забьются в зимницу в прокисшей одежде, чёрные, как черти* [Касаткин: 172]; *Сколько их нырнёт в оторванные от всякой жизни затоны, чтобы там всю долгую зиму, под свист вьюг и непогод, корпеть в угарных и грязных зимницах и до внутренностей дрознуть с утра до ночи на морозе, в караване, подготавливая громадный, богатейший флот Волги-матушки к следующему благополучному плаванью* [Касаткин: 183]. По описанию очевидцев, это была «изба без пола, без печи и можно сказать, без окон. В середине зимницы – очаг, над которым в котелках готовилась пища, возле стен нары деревянные вместо кровати. Выезжали из зимницы только для пополнения продуктов, посещения бани и подвоза сена и овса для лошадей» [Голубева: 3].

Слово *бурлак* являлось важной частью лексикона крестьян поунженских деревень не только наряду с другой терминологической лексикой сплавно-го промысла. В условиях микрорегиона оно развило специализированные оттенки значений, связанные с особенностями быта и вида хозяйствования. Лексема употреблялась по отношению к большей части мужского населения лесного края, а её производное собирательное *бурлачьё* указывало на буйный нрав, грубость и необразованность местного населения. *На барке нас было девятнадцать бурлаков – девятнадцать разношерстных жителей городка* [Касаткин: 30]; *Это всё бурлаки, лесной народ. Возвраща-*

щуются с вешней путины. Согнали к низам плоты, беляны, барки, повидали Волгу и спешат в лесные верховья – еще какую сплавную работу перехватить либо и дома, в берлоге своей, захряснуть, землю ковырять, поле своё обиходить [Касаткин: 62]. Наш брат – сивый мерин, одна шантрапа необразованная! С неё взятки гладки... Видишь, всё бурлачье какое сидит, а ты с этакой-то красной рожей, да и затесался к нам! [Касаткин: 154].

Коллективное прозвище *тамойки*, описанное В. Далем и Ю.Б. Воронцовой как прозвище жителей части Костромской губернии, находившейся в нижнем течении р. Волги [Воронцова: 316], данное им за особый выговор слова *там* («говорится тамойко вместо там») [Даль 1: 419]), также приобретает в поунженских говорах свою специфику и особый смысл, указывая на негативную оценку жителей верха реки.

Данный микроэтноним здесь вызывается к жизни во время начала весеннего сплава, когда создаётся особое коммуникативное пространство, и используется по отношению к живущим в глухих лесных деревнях верхнего течения Унжи мужикам-сезонникам, становящимся в это время конкурентами в борьбе за единственный возможный источник заработка: «Настоящий *колокольник* всегда заряжен яркой ненавистью к «*лешим тамойкам*» – мужикам, верховым сгонщикам плотов и барок, перехватывающим работы, на которых выросла Колоколиха и живёт, извёртываясь с хлеба на квас» [Касаткин: 24].

В подобных словах ярко проявляется региональная специфика говоров. Произведения И. Касаткина раскрывают возможность проследить особенности бытования слов в условиях микрорегиона, обнаружить и выделить в окружении богатого контекста их этносемы, которые отражают особенности восприятия носителями языка реалий, связанных с их основным занятием – сплавным промыслом.

Приведённые выше примеры позволяют сделать вывод о том, что в лексическом значении слов поунженских говоров, связанных с лесосплавом, наиболее ярко представлен культурно-национальный компонент. Не имея значительных отличий от терминосистемы других русских территорий, обладая дальними лингвогеографическими связями, в том числе и с белорусскими говорами, лексика лесосплава в поунженских говорах обнаруживает своеобразные черты, связанные с особенностями историко-культурного развития региона и типа хозяйствования.

Список литературы

Богородский Б.Л. Очерки по истории слов и словосочетаний русского языка. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2006. 394 с.

Воронцова Ю.Б. Словарь коллективных прозвищ. М.: АСТ-Пресс, 2011. 448 с.

Голубева Г. Никола-граф – старинное русское село // Новая жизнь. 2010. 19 августа. № 97. С. 2–3.

Громов А.В. Некоторые особенности говоров Мантуровского и Макарьевского районов Костромской области // Вопросы русского языка. Ярославль: ЯГПИ им. К.Д. Ушинского, 1969. Вып. 5. С. 75–84.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001.

ККОС – Картотека костромского областного словаря (хранится в диалектной лаборатории лексикологии и лексикографии КГУ).

Касаткин И.М. Мужик. М.: Советский писатель, 1991. 382 с.

Косоногова О.В. Статус онимического термина в лингвистике. Одесса: Куприенко СВ, 2016. 117 с.

Матренинский В. Леса Кологривского уезда в естественно-историческом отношении // Труды КНОИМК. Вып. 6. Кострома, 1917. С. 165–332.

Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров / К.Ф. Захарова, В.Г. Орлова, А.И. Сологуб и др. М.: Наука, 1970. 456 с.

Ойкумена Ближнего Севера России: коллективная монография / К.В. Аверкиева, Л.М. Баскин, А.В. Дроздов и др. / общ. ред. и сост. Н.Е. Покровский и Т.Г. Нефедова. М.: Университетская книга, 2016. 264 с.

Очерки исторической географии: Северо-Запад России: Славяне и финны / под общ. ред. А. С. Герда, Г. С. Лебедева. СПб.: Наука, 2001. 512 с.

Переходт В.И. Хозяйство на барочный лес в Новинской лесной даче Кологривского уезда Костромской губернии // Труды КНО по изучению местного края. Кострома: 2-ая гос. типография, 1921. Вып. 25: Третий лесной сборник. С. 29–37.

Посыпанов С.В. Экологически щадящая лесотранспортная эксплуатация средних и малых рек: дис. ... докт. тех. наук. Архангельск, 2017. 343 с.

Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.: УРСС, 2007. 368 с.

ТСАГ – Толковый словарь «агафонского» говора бывшей Матвеевской волости Кологривского уезда Костромской губернии / сост. А.В. Костров. Кострома: Фабрика сувениров, 2015. 308 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М.: Прогресс, 1986–1987.

Хробостов А.В. Лебединая песня моего сердца. Кострома: Фабрика сувениров, 2015. 408 с.

Плытніцтва: тэматычны слоўнік / Нац. акад. навук Беларусі, Цэнтр даслед. беларус. культуры, мовы і літ., Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа; уклад. В.М. Курцова; навук. рэд. В.М. Курцова. Мінск: Беларуская навука, 2019. 297 с.

References

Bogorodskij B.L. *Ocherki po istorii slov i slovosochetaniy russkogo yazyka* [Essays on the history of

words and phrases of the Russian language]. St. Petersburg, St. Petersburg University Publ., 2006, 394 p. (In Russ.)

Voroncova Y.U. *Slovar' kollektivnyh prozvizhch* [Dictionary of collective nicknames]. Moscow, AST-Press Publ., 2011, 448 p. (In Russ.)

Golubeva G. *Nikola-graf – starinnoe russkoe selo* [Nikola-graf – an old Russian village]. *Novaya zhizn'* [New life], 2010, 19 August, № 9, pp. 2–3. (In Russ.)

Gromov A.V. *Nekotorye osobennosti govorov Manturovskogo i Makar'evskogo rajonov Kostromskoj oblasti* [Some features of the dialects of the Manturovo and Makaryevo districts of the Kostroma region]. *Voprosy russkogo yazyka* [Questions of the Russian language]. Yaroslavl YAGPI name K.D. Ushinskogo Publ., 1969, ed. 5, pp. 75–84. (In Russ.)

Dal' V.I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language: in 4 vols]. Moscow, OLMA-PRESS Publ., 2001. (In Russ.)

KKOS – *Kartoteka kostromskogo oblastnogo slovarya (hranitsya v dialektnoj laboratorii leksikologii i leksikografii KGU)* [Card file of the Kostroma regional dictionary (stored in the dialect laboratory of lexicology and lexicography of KSU)]. (In Russ.)

Kasatkin I.M. *Muzhik* [Man]. Moscow, Sovetskij pisatel' Publ., 1991, 382 p. (In Russ.)

Kosonogova O.V. *Status onimicheskogo termina v lingvistike* [Status of the onymic term in linguistics]. Odessa, Kuprienko SV Publ., 2016, 117 p. (In Russ.)

Matreninskij V. *Lesa Kologrivskogo uezda v estestvenno-istoricheskom otnoshenii* [Forests of Kologrivsky district in natural and historical terms]. *Trudy KNOIMK* [Proceedings of KNOIMK], Kostroma, 1917, vol. 6, pp. 165–332. (In Russ.)

Obrazovanie severnorusskogo narechiya i srednerusskih govorov [Formation of the North Russian dialect and Central Russian dialects], K. F. Zaharova, V. G. Orlova, A. I. Sologub et al. Moscow, Nauka Publ., 1970, 456 p. (In Russ.)

Ojkumena Blizhnego Severa Rossii: kollektivnaya mono grafiya [Oecumene of the Near North of Russia: collective monograph], K.V. Averkieva, L.M. Baskin, A.V. Drozdov, S.T. Zhukov, V.A. Zajcev et al. Moscow, Universitetskaya kniga Publ., 2016, 264 p. (In Russ.)

Ocherki istoricheskoy geografii: Severo-Zapad Rossii: Slavyane i finny [Essays on Historical Geography: Northwest Russia: Slavs and Finns], ed. by A.S. Gerda, G.S. Lebedeva. St. Petersburg, Nauka Publ., 2001, 512 p. (In Russ.)

Perekhodt V.I. *Hozyajstvo na barochnyj les v Novinskoj lesnoj dache Kologrivskogo uezda Kostromskoj gubernii* [Baroque forest farm in Novinsky forest dacha, Kologrivsky district, Kostroma province]. *Trudy KNO po izucheniyu mestnogo kraya*. Kostroma, 2th st. tipografiya Publ., 1921, vol. XXV: Tretij lesnoj sbornik, pp. 29–37. (In Russ.)

Posypanov S.V. *Ekologicheskij shchadyashchaya lesotransportnaya ekspluatatsiya srednih i malyh rek: dis. ... dokt. tekh. nauk* [Ecologically sparing forest transport operation of medium and small rivers: PhD thesis]. Arhangel'sk, 2017, 343 p. (In Russ.)

Superanskaya A.V. *Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo* [General theory of proper name]. Moscow, URSS Publ., 2007, 368 p. (In Russ.)

TSAG – *Tolkovyj slovar' "agafonskogo" govora byvshej Matveevskoj volosti Kologrivskogo uezda Kostromskoj gubernii* [Explanatory dictionary of the "Agafon" dialect of the former Matveevskaya volost of the Kologrivsky district of the Kostroma province], comp. by A.V. Kostrov. Kostroma, Fabrika suvenirov Publ., 2015, 308 p. (In Russ.)

Fasmer M. *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka: v 4-h t.* [Etymological dictionary of the Russian language: in 4 vols], transl. by O.N. Trubachyov. Moscow, Progress Publ., 1986–1987. (In Russ.)

Hrobostov A.V. *Lebedinaya pesnya moego serdca* [Swan song of my heart]. Kostroma, Fabrika suvenirov Publ., 2015, 408 p. (In Russ.)

Plytnictva: tematychny slovník [Carpentry: thematic dictionary]. Nac. akad. navuk Belarusi, Centr dasled. belarus. kul'tury, movy i lit., In-t movaznavstva named after YA. Kolasa, comp. by V.M. Kurcova, ed. by V.M. Kurcova. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2019, 297 p. (In Belarus.)

Статья поступила в редакцию 10.02.2022; одобрена после рецензирования 04.03.2022; принята к публикации 12.05.2022.

The article was submitted 10.02.2022; approved after reviewing 04.03.2022; accepted for publication 12.05.2022.